

Олег Генисаретский

Выступление на семинаре в Фаенце

13 мая 2011 г.

В нашем разговоре у нас есть два возможных начала разговора, дискурса и, соответственно, два окончания.

Во-первых, можно говорить о секулярном или пост-секулярном мире как бы извне, со стороны, а можно вести свою речь *изнутри* него. Я решил построить свое выступление изнутри того, что сейчас здесь называется пост-секулярным миром, а еще можно сказать о пре-секулярном мире, то есть изнутри него *так*, как если бы никакого секулярного взгляда не было, вынося его за скобки.

И, говоря в духе того диалога, который вчера упоминал Сергей Сергеевич Хоружий, и добавив к нему гетерогенность, разнородность источников такого полилогического рассуждения, я просто представлю несколько эссеистических зарисовок при взгляде изнутри.

В одном из писем Фрейда есть замечательный эпизод. Он, движимый немецким долгом обязательно увидеть Акрополь, едет в Грецию. И первое, что ему приходит в голову, когда он видит Акрополь, - он вспоминает о своем отце, который всегда мечтал это увидеть, но в силу своей бедности не имел возможности. Причем это воспоминание об отце происходит совершенно безотносительно к тому семейному треугольнику – отец, мать и ребенок, - разработке которого он посвятил всю свою жизнь.

Это было такое внутреннее приятие и оправдание позиции отцовства, даже применительно к своей личной жизни - чего он не сделал в своей концепции — оправдание отцовства. И замечательно, что в параллель к нему в составе прав человека есть право на богосыновство. Нет никаких оснований предполагать, что такое право не отвечает самой интуиции прав человеческих. Это ни в коей мере не обязанность, но - возможность долга.

Так вот эта интуиция, эта возможность долга составляет содержание того, что мы чувствуем, о чем размышляем, что замышляем, находясь в состоянии пре-секулярном.

Зарисовка вторая

Мне представляется среди всех философских дискурсов, которые здесь актуальны, значимым философия детства. Всем хорошо известна та заморочка Гегеля о несчастном сознании, с которого начинается феноменология духа. Может быть, исходя из своего природного анархизма, а может быть по другим причинам, я, после знакомства с этим текстом, стал говорить о *счастливом сознании*.

Счастливое сознание, – память о котором есть у многих из нас, исходящая из детства - счастливое детство. И если несчастное сознание исходит из ощущения нехватки, недополученности чего-то, непризнанности нашей, то о счастливом сознании лучше всего сказано словами псалмопевца: «От избытка сердца говорят уста...». То есть ощущение чувства недостачи или наоборот - избытка.

Ну вот, а теперь надо сделать одну рефлексивную заметку: счастливое сознание – не есть сознание о счастье. А несчастное сознание – не есть сознание несчастья.

И то и другое – и счастливость, и несчастливость сознания, - есть его, сознания, собственные качества. Поэтому вам нетрудно догадаться, что секуляризм для меня – это проявление несчастного сознания, обладающее *качеством* несчастья.

Можно проводить любой сложности психоаналитические рассмотрения того, почему так получилось. Но мы можем исходить просто из факта его наличия. Не мистифицируя его, без ажитации по этому поводу. Понятно, что у каждого из нас опыт *этого* тоже есть.

Но мы знаем также, что в истории культуры и в нашей современности есть такое состояние жизни и личной, и публичной, и общественной, как - праздник. Это - время, место и средства, выделенные *специально* для того, что отпраздновать эту свою способность, свое счастливое сознание.

Что мы делаем во время праздника? Об этом недавно замечательно в своей книге «Грамматика и поэзия» написал Владимир Биbihин, наш выдающийся философ: «Мы восхваляем, воспеваем, - именно воспеваем, - песни и благодарим». Он это сделал на анализе ведической поэзии, ведического ритуала, в первую очередь. Но мы это прекрасно знаем и по собственному опыту. Но это предполагает еще одну пометку относительно счастливого и несчастного сознания.

Многие привыкли считать, что мы обладаем способностью желания (читайте соответствующую критику Канта), а удовлетворение является последствием того, что мы пожелали. И желание – может удовлетворяться или не удовлетворяться. Тем самым, в рамках секулярного сознания, мы отказываем себе в способности быть удовлетворенными.

Счастлирое сознание как таковое, а также праздничные события, - восхваление, воспевание, благодарение, - это проявления способности быть удовлетворенным. Проявление возможности того, что она может быть артикулированной и произвольной.

Люди воцерквленные знают о том, что это так в свидетельствах эсхатологической перспективы горизонтов нашего сознания. Поэтому это свидетельство продолжается в каждом литургическом служении и, по внутреннему предположению, конца не имеет. Это является основанием автономности и самоценности того, что мы сейчас называем пост-секулярным дискурсом.

В своей концепции полилога Юлия Кристева подробно описала психологический феномен, касающийся отвращений, чувства отвращения. Это - теневая сторона секулярного дискурса. В тот момент, когда аргументов перестает хватать, и дискурсивная энергия исчерпывается, мы начинаем испытывать чувство отвращения к тому, что нам дискурсивно непосильно. В московском речевом обороте появился даже глагол «омерзвлять», от «мерзости». А отнестись к чему-то как отвратительному и мерзкому - это означает отказать ему в праве на слово и в праве на толику правды, и вообще сделать онтологически и ценностно ничтожным. Мне кажется, что здесь лежит главный риск и главное препятствие для возможности диалога между представителями секулярного дискурса и ему противоположного – пост-секулярного.

Тот, кто хоть раз заглядывал в русскоязычный интернет, тот знает, что добрая половина и гораздо больше суждений, там высказываемых, выполняется в жанре этого заведомого омерзвляющего отношения ко всем противникам, тем, кто не разделяет твою точку зрения.

Итак, я возвращаюсь к тем методологическим закладкам, которые я вчера я упоминал, относительно ситуации, в которой мы сейчас находимся. Можно, как Сергей Сергеевич только что блестяще продемонстрировал, идти от парадигматического измерения. А можно исходить из синтагматического горизонта, то есть из тех состояний и

ситуаций, с которыми мы сталкиваемся, и к ним относиться постигающе, идти от феноменологии к смыслу.

В католической типологии психотехнических форм такой ряд: от контемплиации, медитации и затем – к спекуляции, в предельной рефлексивности. И так мы приходим к построению каких-то парадигм или пытаемся это делать. Но исходная точка этого – контемплиация, чувственно – созерцательное отношение к жизненному миру, и ко всем ситуациям в нем, исходный контемплиативный горизонт – не устраняется.

Более того, всем хорошо известно имя Рудольфа Отто, с анализом нуминозности, со всеми его аффективно – катетическими, спонтанными проявлениями. Как раз к этому горизонту относится то, что раньше было названо вариантивностью. Поэтому, уже отметив эту альтернативу, можно еще раз спросить себя, а что же собственно за мышление, какое мышление, как понимаемое мышление лежит здесь в основании возможной методологической стратегии.

Я остановился на том варианте наименования способности мышления в античной философии, который называется дианойей. Вообще префикс «диа» означает некое «сквозь», проходить сквозь. Двигаться не путем сталкивания с препятствиями и преодоления их, а проникая. Пронизывающее, скользящее движение мысли. В онтологическом отношении этому соответствует диагональ: пребывать в состоянии по ту сторону того и сего, то есть всего. Находясь в этом состоянии, мы способны наблюдать и обзирать то поле альтернатив, которое раньше было мной указано.

Я, только именуя это, поскольку это отдельные темы, которые нужно разрабатывать. Но все это обозначенное поле от контемплиации до спекуляции – это все-таки умопостигаемые отношения. Все они не обладают качеством практикособразности.

Что же касается этого полюса практики, то тут мы видим, что ответы на практикособразные вопросы лежат не в философии, не в других «логиях», будь то антропология или еще какая-то «логия». Во-первых, мы знаем практику прямого действия. Прямое действие, на возможностях которого испытываются харизматические движения в индивидуальном активизме, составляющем сейчас, по крайней мере, у нас, в России, самую горячую точку происходящего. Особенно ярко это происходит в сфере актуального искусства, но также и в политической публицистике.

Но кроме такого публичного прямого действия, мы находим много интересного в мире корпоральном и в практиках корпоративного развития. Во-первых, это стратегия производства инцидентов, на основе которых затем создаются прецеденты, то есть путь от инцидента к прецеденту. Всякий активистский акт претендует на то, чтобы быть таким инцидентом, который потом будет некоторым движением превращен в прецедент и потихонечку легимитизирован.

В сфере правовой политики более – менее очевидно, как это делается, как производится, - долго подготавливаемые, аккуратно исполняемые активистские акты, чтобы потом их зафиксировать, описать, документировать как инцидент, и на этой основе совершить микроправовую революцию.

Более продвинутой, технологически оснащенной является технология управляемого хаоса. Если создание инцидента – это штучная работа, прицельная, то управляемый хаос – это что-то похожее на ковровую бомбардировку, когда хаос покрывает все сразу. Сначала надо разбомбить, потом предложить долгосрочный кредит, а потом через процент с этого кредита – бесконечно долго выдавливать территорию. Мы прекрасно видели, как это делается на Балканах.

Мне кажется, что эти прямые действия – от инцидента к прецеденту, управляемый хаос – строго соответствуют тому, что я говорил про игру с негативом, аффирмативным, утвердительным или негативным и несчастным сознанием.

Я изложил эти несколько зарисовок, допуская, что я исхожу из пре – или пост – секулярного сознания, для того, чтобы хотя бы чуть-чуть показать, что есть о чем говорить, не вылетая в эту внешнюю точку зрения, где мы смотрим, как все это устроено. Мы просто находимся внутри этой ситуации, относимся к ней, идентифицируем ее, и поэтому вправе об этом так говорить и думать.

А корпоральный сюжет я упомянул только по одной причине, что первым, кто поддержал у нас в России участие и проведение этой конференции, этого семинара и всей программы, это было Правительственная российско-итальянская комиссия по деловому сотрудничеству. Не институты философии, не культурные или религиозные институции, а межправительственная комиссия по деловому сотрудничеству. И эта нейтральность взгляда позволяет видеть горизонты шире, чем заинтересованность.

Благодарю за внимание.